

Преисполнена жизнь чудесами

* * *

Мальчик лезет в окно.

Видно, мальчика в дверь не пустили.

Или это весна

подарила кошачий настрой? –

Да и девушка, видимо,

стоит подобных усилий;

Да и – первый этаж...

Не девятый же. И не второй.

Ну не круче ль мы всяких

венеций, галиций, силезий?! -

Если март начинается праздничным штурмом окон!

Мальчик в форточку лезет...

Куда же ты, миленький, лезешь? –

Ну как там не принцесса,

а женского пола дракон?

И чему альпинистский твой подвиг послужит в итоге?

Ведь не ждали тебя –

и навряд ли хлеб-соль поднесут, –

Мальчик, мальчик, постой!..

А снаружи уже – только ноги...

Хоть ноль два вызывай.

Хоть ноль три. Всё равно не спасут.

Всё равно погибать – не полвека довольно, так ночи,

Чтоб словами и ритмом набить до отказа тетрадь...

...Эх, стоять бы на улице.

Пялить с иронией очи...

А ведь я же внутри...

Мне же гостя сейчас принимать.

* * *

А знаешь, порою мне кажется – всё хорошо!..
Мир просто, немного качнувшись, вернулся на место.
Столетия – не в счёт, сколько б ни было их. Ты пришёл.
Сидишь, что-то пишешь. И рядом с тобой – интересно.
Как будто бы с нами так было и будет всегда,
Как будто для этого Дух и носился над влагой:
Чтоб ты, впечатлений хлебнув, возвращался сюда, -
Где можно спокойно сидеть и молчать над бумагой.

Зачёркивать, хмурясь, придирчиво несколько фраз
И, вдруг просияв, про себя улыбаться чему-то...
Прости мне нескромность моих замороженных глаз:
Ты просто не знаешь, как выглядишь в эти минуты,
Когда проступает – так ясен и неповторим –
Твой истинный образ сквозь волны, доступные зрению:
Частичка Творца, уловившая радостный ритм
Единственно нужного дела – учиться творенью...

А в мире огромном, потеряв в извечных бегах,
Блуждает похожий на нас неприкаянный кто-то –
Из тех, кто по жизни не может стоять на ногах
Из глупой, но невыводимой, привычки к полёту.

* * *

Вот, в час по чайной ложечке, с собачкой,
Бредёт старушка тихо из гостей.
Ну а собачке – в час по чайной пачке –
И то бы было мало скоростей!

Навострены каштановые ушки,
Трепещут лапки, сердце, мех и пух;
Короткий поводок в руках старушки
Натянут – в звон!.. Но он таких и двух

Легко сдержал бы, лопнуть не рискуя.
Он крепче клятв, настоек и гвоздей...
О, где же яркость слога взять такую,
Чтоб передать старушкин беспредел?!..

Собачья доля – Ватсон... Санчо Панса...
Всю жизнь – «к ноге»... - без выходных часов...
А ей на волю хочется!.. в пампасы!..
В компанию больших дворовых псов!..

Таких больших, бывалых, злых, и смелых,
Лохматых, и... действительно БОЛЬШИХ!..

...Вот так рвёт поводок весною тело
Из рук уставшей старицы – души.

* * *

Господи, спасибо за Любовь;
За возможность ждать звонка, волнуясь...
И за то, что врозь опять проснулись
Я и он... И не запомнить снов,
Где как будто мы бродили вместе,
Говоря о пустяках смешных,
И прощались в сумрачном подъезде,
Как подростки, прячась от родных...
Господи, спасибо за него,
И за то, что мне сейчас – хоть в петлю,
И за то, что – вспоминает, нет ли, -
Карты мне не скажут ничего...
И за мой – с утра – печальный вид,
Неуместность слёз в пустом трамвае...
Потому что за меня – я знаю –
Он Тебя не поблагодарит...

* * *

Две девушки в жёлтом вручают листовки прохожим.
Как видно, рекламщицы. Вряд ли они протестантки.
Улыбчивый бомж, на Саддама Хусейна похожий,
Беспечно журча, поливает помятые банки
От пива. И банки опять золотистою влагой
Налиты слегка, словно сердце – четвёртой любовью.
В вечернем саду неприлично сидеть над бумагой,
Но это привычка – часы посвящать суесловью.
Одна среди всех. Незабвенная Джулия Ламберт
Из сцены финальной кивнёт: «Вот и ты, дорогая...»
И мальчик на роликах лямку на шлеме поправит,
Из вечера в завтрашний день навсегда убегая.

* * *

Взрослые люди
Дурью маются, маются...
Воду заряжают,
Замуж собираются,
С трудностями борются,
Ищут в жизни цель...
А Васька сел на пенек
И ест карамель.

* * *

Фестиваль 26.07.2003.

Вот и добрались... Костёр. Туманами
Пиалы межгорий налиты,
И клеёнки яствами уставлены,
И особо-утренне чисты
Взгляды тех, кто рядом... С недосыпу ли,
От сознания ль важности хлопот –
В чай слегка заварки недосыпали,
В суп лапши – слегка наоборот...

А потом, немножко ближе к вечеру,
Закипает пятый котелок,
И уже в окрестностях замечены
Муз мельканья меж стволов... и строк...
Шестиструнным безопасным лезвием
Вскрыт туннель в соседние миры,
И над нашей братией нетрезвою
Пьяные танцуют комары.

Золотой перетекает в розовый
Там, где небо прячется за лес,
И в палатке, сморено амброзией,
Мирно дрыхнет чудо из чудес...
В зеленях аукаются дачники,
Мелкий бисер мечет соловей...
Господи, свернуться бы калачиком
На ладошке солнечной Твоей!

* * *

Вот взрослый и мальчик, - рядом.

Осень. Вода.

Берёзовый лист полукружно ложится
на крышу.

- Ты видишь ли, как всё это красиво?

- Да.

- А я, представь,
теперь уже не вижу...

* * *

Всё устраивалось будто бы гладко,
Предначертанно и вялотекуще,
Но в пределах мирового порядка
Был процесс какой-то тайный запущен.
Он прошёлся по плечам и балконам
Чуть заметно участившимся пульсом,
И лицом твоим, внезапно знакомым,
Мир навстречу мне светло улыбнулся.

Мир, в котором у тебя под рукою
Каждый миг – непредсказуем и вечен,
Потому что есть в нём что-то... такое –
Как однажды приключившийся вечер –
Тот, где я, припоминая в отрывках,
Разговор с тобой, всего трёхминутный,
Растянулась, как сплошная улыбка,
В мягких недрах раскладушки уютной.

И отныне никаким нагоняем
Нас расставить по углам невозможно.
Мы совместно этот мир заполняем,
Как коньячная пропитка в пирожном.
И, подобно невесомому блику,
Перепрыгивая сквозь расстоянья,
Я блуждаю, как улыбка, по лику
Отражённого в тебе мирозданья...

* * *

До пяти – коротать на вокзале,
А потом – возвращаться домой...
Что там? Рейс отменяют, сказали?
Повезло. Отменили не мой.
Отработано. Вытру помаду.
Шапку – в сумку. Из сумки – тетрадь.
Ручку – в зубы... А впрочем, не надо:
Неудобно зубами писать.

День сложился неспешно-домашним,
Не взыскуп моральных побед:
Оказался он вовсе не страшным,
Этот Очень Известный Поэт.
Я поймала – чутьём, а не зреньем –
Там, на донышке пристальных глаз,
Притаившееся изумленье –
Всем на свете – как будто в запас,

Чтобы, даже в раздумьи глубоком,
С Мирозданьем болтая на «ты»,
Удивляться легчайшим намёкам
Разливанной вокруг красоты.
...Преисполнена жизнь чудесами,
Как орешками – баночный мёд.
До пяти – коротать на вокзале...
Впрочем, пять. Мой автобус. Вперёд.

* * *

Всю ночь дождило. Хмарный воздух
Застыл на полпути к туману...
С утра по радио о звёздах
С использованием слов серьёзных
Врут астро-умные шаманы...

Эфир трещит, недоразбужен,
Мир полон мест, пока вакантных...
Лишь листья тротуар утюжат,
И кошка огибает лужи,
Приподымаясь на пуантах...

* * *

Набравшись валерьянки вдоволь,
Лежала кошка под забором,
А рядом с нею колготился,
Топорща перья, воробей.
Он суетился справа, слева;
Он был задиристым и скорым;
Он трепетал от возбужденья
И овладеть стремился ей.

А кошка тихенько лежала,
Зажмурившись и когти спрятав,
И думала: вот если лапку
На это чудо положить...
Иль хвостиком махнуть - легонько, -
Какие будут результаты?
Он сможет - хоть не регулярно,
Но всё-таки - на свете жить?

Всё это кончилось банально:
Не удержавшись, не нарочно! -
Зевнула кошка, потянувшись,
Чуть приподнявшись от земли...
Она зевнула без подвоха,
Но полнозубо и роскошно, -
И воробья иные страсти
К иным свершеньям повлекли.

* * *

Отчего-то тревожно, азартно, -
Словно собран уже чемодан,
Словно куплен – туда – без обратно –
Мой билетик до сказочных стран.
Я одна. Меня больше не двое.
Улечу ли, останусь ли тут, -
Никого я не буду с собою
Больше звать.

Захотят – подойдут.

И впервые, как звонкую мелочь,
Рассыпаю прожитые дни...
Спи спокойно, Олежек-царевич,
Лягушонкину кожу храни.
Я подъеду в такой коробчонке,
Что все Мерсы засохнут с тоски,
Только ты не услышишь, как тонко
Прозвенят отправные звонки.

И я не оглянусь напоследок,
Чтоб увидеть, как там, в тишине,
Ты сидишь и, задумчиво эдак,
Ворошишь кочергою в огне...
...А тревоги уже не осталось.
И азарт до улыбки утих.
Доберусь – как всегда добиралась –
Вплоть до неба –
на перекладных.

* * *

Не звонят, не едут и не пишут.
Всё сегодня так – с частицей «не»...
Тихой неприкаянностью дышит
Ночь в полуоттаявшем окне.
Непрерывным спазмом длится время,
Ворошит в себе чужие сны
Сквозняками протканная темень
Дивной и недвижной глубины.

Там, в железных башмаках пространства,
Вдоль по льдам периодов скользя,
В тривосьмых и тридесятых царствах
Где-то бродят все мои друзья, -
Вечные мои пока-что-люди,
Спрятанные за условность лиц...
Я прекрасно помню всё, что будет
После отрицательных частиц:

Все они, с плащей, покрытых снегом,
Стряхивая капельки минут,
В мой трактир между землёй и небом
Собираться медленно начнут.
Вспомнят путь – по собственному следу
Стоптанных девярых башмаков, -
И приедут, и... ещё приедут!
И не надо – писем и звонков!

Автобусная зарисовка

Девушка кричала в маленький мобильник;
Был на весь автобус слышен вопль её.
Девушка кричала: «Верка, это ты, блин?!..
Ты бухая, что ли?.. Верка, блин; алё!..»
А подружка рядом говорила: «Катя!
Брось ты на фиг трубку; чё ты, блин, орёшь?..
Все они там – в стельку. Успокойся, хватит...
Пусть пока проспятся! Позже наберёшь».

Но сжимает Катя в ручке кучку цифр
И вопит, как с берега на берег реки:
«Дима, это ты, что ль?.. Это ты, Никифор?!..
Блин; пустили трубку по рукам, прикинь!»
Тут сердитый дядька – тот, что ехал стоя –
Грозно эдак рявкнул: «Всё, туши фонарь!
Всех заколебала! Это что такое?!
Закрывай контору и мозги не парь!»

Попритихла Катя кошкою побитой,
Прилегла подружке грустно на плечо...
Жаль. Такая сцена! Столько колорита!
Я бы с наслаждением слушала ещё!
Я бы записала это на рекордер,
Если б у меня он был с собою тут...
Вот противный дядька! Взял и всё испортил.
И откуда столько на земле зануд?

* * *

Замкнут круг - от ноября до мая.
Накружив за тридцать по судьбе,
Ничего я до сих пор не знаю,
Господи мой Боже, о Тебе.
Знаю только, что, простого быта
Постигая непростой язык,
Я перед Тобой всегда открыта,
Но закрыта от людей и книг.
В мире спор об Истине звончеет...
Кто кому расскажет про неё?
Люди - людям. Книги - книгочеям.
Мне же - Жизнь -
дыхание Твоё...

* * *

Опять писать... Метаться по ночам
От кухни до кровати – и обратно.
И, радуясь взаимным мелочам,
Стараться, чтобы ты не замечал
Моих сомнений кухонно-кроватьных.

Опять тетрадь. И взгляд под потолок.
И стук часов. И чай не в меру горький.
И смысл, песком текущий между строк,
И ты – такой насупленный зверёк,
Весь мир готовый обрычать из норки
За то, что непомерно тяжела
Моя к тебе придушенная жалость,
За то, что не тебя всю жизнь ждала...
Да что тебе за дело?.. – я жила.
Жила и ошибаться не боялась.
Легко вверялась дружбам и враждам,
И то, к чему пришла, отнюдь не ново –
Мысль, что казалась раньше так чужда:
Любовь – болезнь. О, не разубеждай!
Больной не может вылечить больного.

Осталось – что? – таскать стакан воды –
Один другому; отдавать под роспись...
Смотреть в окно, как накрывают льды –
Печальней замка Синей Бороды –
Сердце разбитых – не отель, а хоспис.

Психологические страдания

Ох, не надо было с тайною завистью
По TV смотреть «Молчанье ягнят»!
Вот, в психологи пойти угораздило
После этого бедняжку меня.
Я зубрю теперь научные термины,
Подсознания вскрываю конверт...
Раньше я была обычной стервою,
А теперь – шизоидный интроверт.
Я следила за своею фигурою,
А теперь на первом плане – душа;
Притязаний мой заниженный уровень
Мне советуют друзья повышать.
А у меня он до сих пор – вот такусенький!..
Ну, от пола сантиметрах в пяти...

...По TV идёт реклама про трусики.
Может, лучше мне в модели пойти?

* * *

- Где ты была? Я заходил примерно в пять,
Звонил, стучал... Ведь ты быть дома обещала.

- Мне было нужно... к маме... за вещами...

Я солгала. Мне не хотелось открывать.

Сон, в котором я была кошкой

Я знаю, как! Ах, мне бы только лапки
Коленками назад, да хвост трубой...
Я знаю, как промчаться без оглядки
Травой, что, расступаясь над тобой,
Сомкнётся позади зелёным сводом;
И, взмыв в прыжке пружинистом над ней,
Так остро-сладко чувствуешь свободу,
Что невозможно – слаще и острей...

Я знаю, как, землёю-нимфоманкой
Опьянены, бесчинствуют лучи,
Как стрекоза танцует с ветром танго,
Когда ты мимо них стрелою мчишь,
Вибриссами расхватывая воздух
На клинья, - и цветы среди полей
Качаются, задумавшись серьёзно
Над аэродинамикой твоей...

Я знаю, как в движение тает тело
От счастья быть, бежать, играть, лететь!..
И, всё растаяв, снова до предела
Врастает в мир; как напряженья сеть
Пронизывает мускулы и скулы
И, превратив тебя в весёлый взрыв,
Бросает ввысь, - чтобы на миг заснула
Земля, о тяготенье позабыв...

* * *

Съела ложку мёда и заснула,
Аккуратно губ не облизав.
Поплыла в провалы-караулы
Сонных улиц, лестниц и застав.
Поплыла – опала – полетела,
Но сквозь дремь, на самой глубине,
Сладким вкусом пеленгую тело –
И украдкой помню: я во сне.

Я ищу каких-то тайн, сокрытых
В хитроумно запертых ларцах, -
Наяву – румянец на ланитах:
Ну и тайны там!.. вот это ах!..
Не скажу, какие это тайны.
Сны – мои. Что вижу, то хочу... -
ЧТО ХОЧУ, ТО ВИЖУ!

(Не случайно,
Каюсь, я обмолвилась чуть-чуть...)

И куда все принцы ускакали?
Где художник – чародей холста?
Для кого я тут лежу, такая,
Приоткрыв медовые уста?...
Тишина. Придётся просыпаться.
Закрывать сновидческий «Плейбой».
Сколько можно – спать и целоваться
С мёдом, притворившимся тобой...

* * *

Я не плачу об утрате,
Не страшусь потери я:
Мне Господь зарплату платит,
А не бухгалтерия.

И любые договоры
Подмахну с охотой я, -
Ибо я не на конторы –
На Него работаю!

* * *

Совершенства нет нигде и ни в чём;
С этим попросту придётся мириться...
Да не лезь ко мне с надёжным плечом! –
Я ж не курица больная, а птица...

А любимый мне в ответ говорит,
Что дела мои не так уж и плохи:
Что у птиц бывает – птичий же – грипп,
А ещё бывают птичьи блохи.

Ну, любимый, удружил, услужил!
Ну утешил, милый, ну обнадежил:
Память девичью мою освежил,
Гордость девичью мою потревожил.

Я ж хотела показать свой размах,
Феминизм свой ярый, менталитет свой...
А ты меня – в подушку мордой – бабах!..
Совершенно нет ни в чём совершенства.

* * *

По пол-литра накатив,
Вечно гонишь негатив:
Так становишься строптив! –
И ни капли не учтив!.. –
Шлёшь друзей на инвектив,
Ставишь шкалик на штатив;
В кошку тапком запустив,
Достаёшь аккредитив
И, привычный норматив
До предела сократив,
Снова пьёшь аперитив.

Это – движущий мотив
Всех дальнейших перспектив.

А твой гость, что был ретив
В выборе альтернатив,
У окошка загрузив,
Ловит, сердцу супротив,
В интеллекта объектив
Кантовский императив...

* * *

Слишком уж ведьма! –

сжигали – не раз.

Не дорастала до старости, -

Стало привычкою.

Вот и сейчас:

Глянешь на даты – «осталось-то...»

Только росла,

набираясь огня,

Сила моя заповедная.

Не научили быть старой меня;

Не отучили быть ведьмою.

Ориентация

Я вещей не целую –
Награды, мечи и знамёна...
Я целую людей.
И зверей – в смоляные носы.
Я целую – живых:
Я люблю быть живой и влюблённой!
А вещам – всё равно,
Кто бы как их ни превозносил.
Вещь останется мёртвой –
Пусть даже волшебно красивой.
Нет у идола шанса
Покинуть разряд таковых.
И не надо перстом потрясать
И твердить: «Это – символ...»
Не целую я символы.
Предпочитаю – живых.

* * *

В серебристо-хрустальном гробу иномарки
Спит красавица-душенька, витязя ждёт.
Витязь в маркете ей выбирает подарки, -
Вот накупит подарков – и тут же придёт!
Прибежит, прилетит, губ медовых коснётся, -
Чисто просто как в сказке, прикинь, все дела...
Только вряд ли красавица вправду проснётся, -
Даже если вздохнёт: «Как я долго спала!..»

* * *

Ах эти бывшие мужья...
Всептерпеливы, как подруги,
Всегда готовы на услуги, -
На все причём, от А до Я.

Экс-муж... Читай: любимый – экс...
Так, незаметно, ненатужно
Любовь перетекает в дружбу
(Не исключаящую секс).

Капризность женская – не в счёт:
Ему всегда – и днём, и ночью
Известно всё, что ты отмочишь
На двадцать пять ходов вперёд...

..Ну да; всё славно... Так ли уж?
Не расстаёмся мы случайно!
В тебе какой-то чудной тайны
Не разглядел твой бывший муж;

Но смысл твоей наивной лжи
Никто, как он, не знает точно, -
И сколько сахару кусочков
В твой кофе утром положить...

* * *

Привокзальный уют – шашлыки, беляши, чебуреки;
Вдохновенье предчувствия старта в глазах ожидающих...
Есть ли в Кузне варяги, в копчёном Прокопьевске – греки, -
Я не знаю, но двинусь в поход: я же странница та ещё!

Вне порядка событий рифмую, как румбу и самбу
Зажигает отчаянный голубь на мокрой столешнице;
Как, привыкшие к шику взаимно-изысканных ямбов,
Мы общения роскошь смакуем с роскошной неспешностью;

Как с улыбкой в карман прячу в кассе разменянный столик...
И когда б не измена моя тебе – сутками ранее –
Я и знать бы не знала, как может быть сладко и больно
Слушать диско в автобусе, едущем вне расписания...

* * *

Наручные часы, как пауки,
Раскинув лапки, дремлют в кабинетах,
На письменных столах. Где рядом с ними
Стоят в тени бахромчатые лампы,
О чём-то медитируют стаканы
С карандашами. Пепельницы важно
Блестят боками, подставляясь солнцу,
Что медленно вдоль по стеклу крадётся,
Стараясь побыстрее, незаметно...
(У Солнца есть особые причины
Не замечать наручные часы).
Для пепельниц, настольных ламп, стаканов
Начнётся жизнь – с приходом человека.
Осмысленная жизнь. Работа. Время.
Пространство. Е равно ЭМ Си квадрат.
И лишь часы наручные, как лапки,
Раскинув ремешки, не ждут запястий,
Карманов, жестов, взглядов, междометий,
Людей как таковых. Как таковые
Им люди не нужны. В людском понятии
Есть некий смысл в кружном движении стрелок,
В округлости прохладных циферблатов
И в ремешковых круговых захватах...
Самим часам неведомое Время
Для них не может в принципе – начаться, -
Как паукам неведомо начало
Плетенья ими собственных сетей, -
Но только дрожь в сетях застрявшей жертвы...

* * *

Сторожа́м всех времён и народов посвящается

Сторожа – жильцы иного мира, -
Где заметней мелочей значенье,
Где пространства делаются шире,
И секунд прозрачное течение
Тишиной раздроблено на струи;
И случайным звукам пышным эхом
Есть где разбежаться в рассыпную –
И друг другу не служить помехой...

Сторожа́м известны тайны ночи
(Ночь и день – две разные планеты!):
Как весь мир на время обесточить
И подправить схемку до рассвета –
Может, по расчётам хитромудрым,
Может, по заданию из Центра, -
Чтобы новый мир явила утром
Горизонта алая плацента...

Сторожей разбросанное братство –
В редких окнах маячки стоватток,
Утонувших в темноте глазастой
Спящих городов сухой остаток...
Снова – до утра качать в ладонях
Мир – и чай горячий в блюдце мелком, -
И, облокотясь на подоконник,
Счёт вести летающим тарелкам...

Не давай мне уйти

* * *

«А не пора ли мне, Господи, помирать?» -

Гляжу с неммым вопросом на небо.

А Он – хватя меня за шиворот! –

бери, мол, тетрадь;

Пиши, мол, и излишеств не требуй...

«А не пора ли мне, Господи, изведать почёт,

Тиражи, гонорары, авансы?...» -

А с неба дождик прехолодный мне за шкуру течёт:

С пустяками, мол, сама разбирайся.

Памяти отца

Не давай мне уйти. И раскаяться мне – не позволяй.
В просветленьи – есть капелька бегства. А в бегстве – позора.
Я хотела здесь быть. Я хотела сыграть эту роль.
Так зачем посреди представленья искать Режиссёра?..
Выход сделан, и пойман кураж, - передумать нельзя;
А заминки мы сгладим при помощи импровизаций.
За кулисами ждут с терпеливой улыбкой друзья,
И, куда ни беги, это шоу должно продолжаться.
Это только игра. Но игра – как сплошной бенефис.
Ведь когда этот купол – вверху – провисает, как парус,
Словно Рыжий и Белый, по лестнице катимся вниз
Мы с тобой – мастера заполненья нечаянных пауз.
Мы швыряем себя серпантинном в ковёрную пыль,
Забывая, что здесь есть понятия «больно» и «поздно»,
И уже на лету выпадая из истины в быль,
И на полусмешке всё становится слишком серьёзно.
Я ведь знаю, как это бывает. Холодная дрожь...
На чрезмерно огромной и плоской вселенской ладони
Ты – как маленький Штирлиц в машине, вмурованной в дождь:
На парсеки и юги вокруг – никого, кто бы понял.
И, проснувшись, ты всё ещё долго не вспомнишь о том,
Что мы все где-то рядом с тобой в закоулках планеты,
И никто никому никогда не бывает врагом,
Просто разные слишком пароли у нас и ответы...
Это только работа – вытаскивать мир изо льда.
И, набравшись Любви, так, что некуда спрятать добавку, -
Мы уходим во тьму. Мы становимся тьмой иногда,
Чтоб однажды вернуться с отчётом в небесную ставку.

* * *

Так тонко происходит по утрам
Всё, что обычно в мире происходит...
И облака в плену оконных рам,
Задумавшись, не грезят о свободе.
Так тонки грани между днём и сном,
Прозрачен воздух, деликатны звуки, -
Как будто где-то тихий метроном
Отсчитывает такты до разлуки.

По капельке, по чуточке, шутя, -
Как воду в речке пробуют ногою, -
Мир выплывает из небытия,
От лангольерской ускользнув погони.
Не слух – подкожье – ощущает вдруг
Легчайший шорох мчащейся маршрутки;
Свист птиц и каблучков негромкий стук
Взаимно соблюдают промежутки...

P.S.

А за квартал отсюда, в кулачок
Зажав десятку, с бычком за ухом,
Спешит, спешит миляга Пятачок
Опохмеляться к другу Винни-Пуху...

* * *

Уезжаю. Совсем уезжаю. Хорошее слово,
Отдающее визгом, и узостью, и виражом...
И трамвай пронизает собой, словно ниткой суровой,
Этот мир, что отравой забвенья насквозь заражён.
Мне как будто легко. И понятно почти поэтапно,
Для чего он служил – час назад завершённый урок.
Просто мне и ещё одному человеку внезапно
(Как внезапен мышинный испуг или громкий звонок)

Надоело играть в неотравленных юных веронцев...
А трамвай дребезжит и вибрирует, полупустой.
Мы с тобой понимаем друг друга, усталое Солнце,
Истекающий жаром дракон над закатной чертой.
Это может случиться – в не самые дальние сроки:
Неустанно ища сокровенного смысла во всём,
Мы настолько привыкнем в Любви видеть просто уроки,
Что оценки за них себе ставить, пожалуй, начнём –

И ещё, и ещё... Набивая очки, словно в тире,
И бесцельного счастья не чувствуя в новой весне...
И я так заскучаю в большом и нелюбящем мире,
Что останется только заснуть. И взорваться во сне,
Ощутить, как пространство и время становятся уже,
И, вливаясь из небытия в нескончаемый свет,
Измученно, со странным смиреньем, себя обнаружить
Безразличной звездой – среди живности полных планет.

* * *

Так, от вокзала до вокзала,
Лететь, меняя адреса...
Всё, что тебя формировало –
Дорога. Встречи. Небеса.

Ты сам.

Но здесь – вопрос и скобки:
Кто это – ты? (Кто это – я?)
Определённо не для робких –
Души очерчивать края.

Земля... Разлуки... И привалы... -
Возможно, следует учесть:
Всё, что тебя формировало –
В какой-то мере ты и есть.

Но, жизни поделив числитель
На знаменатель суеты,
Оставь не частное событий, -
ОСТАТОК.

Это будешь – ты.

* * *

- Чувствуешь, тело, запахло весной нешуточно?

- Чую, душа, да и мне ли не чуют весны!

Выйдем с тобою – шагами вымеривать улочки, -

Друг перед другом вполне в ожиданиях честны:

Ты – за романтикой больше, а я – за эротикой,

Псевдоэкзотикой дивных кошачьих рулад.

Мальчики ходят и девочки в куртках коротеньких,

Очередями стреляя из глаз наугад.

Ветер, втираясь в доверье, хватает их под руки;

Маем, как поздним трамваем, взвихрённая ночь

Тает, и мает, и манит, и тянет на подвиги:

То ли кого-то спасти, то ль в кусты уволочь...

Лучше, конечно, - и то, и другое, и плюс к тому –

Поговорить о погоде, продлить волшебство...

Знаешь, душа, я, наверное, что-нибудь путаю –

Сферы влияния наши, скорее всего.

Так переполнены – сердце, и мысли, и пусто лишь

В ясных глазах, распахнувшихся в звёздный простор...

Что-то вокруг созревает, душа моя; чувствуешь?

- Чувствую, тело...

И даже предчувствую – что.

* * *

Не я испытываю чувства, -
Они меня – с упорством чувств –
Всю жизнь испытывают с хрустом
На прочность,
вшивость
и на вкус.

* * *

То ли гул самолёта в ушах, и под ложечкой – ух!.. –
Но с чего бы? – ведь я ж не лечу, я по травке шагаю, -
То ли мир этот снова не хочет делиться на двух,
И сквозь жизнь мою, словно узор, проступила другая...

Эти странные вспышки, когда успеваешь на миг
Уличить свою руку в чужом неприкаянном жесте,
И когда непослушные связки, гортань и язык
Не своей интонацией вдруг заработают вместе... -

Это всё оттого, что не далее третьего дня
Я любила тебя на ночной половине планеты,
И к огню моему твоего примешалось огня,
И я стала немножко тобой, - и мне нравится это.

...А в далёких горах охраняют космический штиль
Те, кто ведаёт всё о великом и страшном секрете:
Что миры распадаются в пыль, - и распались бы – в пыль, -
Если б только друг друга никто не любил на планете...

* * *

С наступлением полночи
звукн становятыя громче,

Кофе – крепче,
отчаянье – яростней,
нежность – больней...

Если б только могла я
со всем этим разом покончить;
Вырвать память – кровавым куском, -
не оставив корней...

В полночь – ярость
нежнее становится,
боль – нестерпимей.

Как её заглушить? –
только в угол ходить из угла...

Если б я позабыла тебя,
утешаясь другими!.. –

То, наверное, впредь
ни строки б написать не смогла...

* * *

Однажды утром выкрой часок,
Когда твоих родных не будет дома.
Ты сядешь в кресло – словно рухнешь в кому
Сознанием, зыбучим, как песок;
Замрёшь, сквозь веки впитывая свет,
Что чуть разбавлен капиллярно-алым,
И поплывёшь в знакомые кварталы,
Которым под Луной названий нет...
...Я соскользну с обычной частоты –
С той стороны – чтоб проявиться с этой –
В тот мир, где нет людей, но есть предметы,
Дома, часы, деревья и мосты;
Туда, где взгляд – острее, чем копьё,
Где всё на свете может быть лишь нашим,
Где не перед кем хвастаться бесстрашьем
И некому доказывать своё...
Ты знаешь всё. Ты вспомнишь: как всегда.
У ратуши. На площади с Нептуном,
Где ветер водит крыльями по струнам
Стоцветных струй, - брильянты, не вода! –
Где ряд скамеек, и напротив – ряд...
И шляпы сами выпускают перья...
И больше невозможно лицемерье, -
Что скажешь?.. ...Что друг другу говорят
В подобных случаях? – убрав в зажим ладони –
Затем, что даже слова не нашлось,
А можно только – опрометью... врозь... -
Как убегают воры от погони...

* * *

Ты жив, моя любовь?..
В Москве опять теракт, -
И я тебе звоню
Узнать, что не задело.
Не тратя лишних слов,
Я соблюдаю такт,
Сердечному огню
Означивши пределы

Достойной старых дев,
Уже почти смешной
Корректностью своих
Прохладных интонаций...
Любовь моя, презрев
Теракт очередной,
Ты вновь остался жив.
Счастливо оставаться.

* * *

Независимо от кнутов или пряников,
Независимо от света и тьмы
Люди делятся на Хозяев и Странников,
Люди делятся на «я» и на «мы».

От печалей и удач независимы,
И – полна ли чаша или горька, -
Судьбы делятся на домики с крышами
И дороги в бесконечных песках.

Дни проходят и смываются ливнями,
Оставляя неизменным одно
Одиночество моё неизбывное,
От двуночеств уводящее в ночь.

И не спрашивай, тепло ли мне, девице, -
Поищи среди оседлых девиц.
Люди слишком уж отчётливо делятся,
Чтоб искать непрочных этих единств.

Тетралогия полёта

I

Когда ты весь – как тихий выдох ниоткуда,
Когда Любовь и ты – пока ещё одно, -
Хрустальной лапкой намечающий этюды
Паук Координат, измыслив полотно,
Лишь начал прясть свою серебряную нить,
Отбросив тень, как половина – половину;
Ладонь Творца, ещё сжимающая глину,
Уже тебя почти готова отпустить
Туда, где плещет свет под голубой эмалью,
И пляска бликов искромётна и чиста, -
***И ты отходишь нисходящею спиралью,
Приобретая свойства палого листа...***

II

...Мозаичная листьев суета,
Узоры взаиморасположений
И ветер – скрытый смысл передвижений
Среди других отдельного листа...
Пока ты здесь. Пока ещё не дрогнул
Мир, расходясь кругами по воде,
И небосвод так достоверно вогнут
В таинственный чердак Вселенной, где
Из года в год вращаются картинки, -
Взглянуть бы ближе!.. – думаешь. – Но как?.. –
***Приобретая свойства микро-наука,
Стремглав летящего в закат на паутинке...***

III

И только здесь, пронизывая воздух,
Ещё неверным слухом ловишь ты
Застывший на альтах щемящий отзвук
Забытой при падении мечты.
А на Земле останется хороших
Вещей – так много!.. Ты не просишь крыл.

Но трубы ждут, когда ты позовёшь их,
И звёзды ждут, чтоб ты заговорил;
И тихий отзвук, превращаясь в гром, -
Накрыл и скрылся в тишине звенящей, -

***И ты взлетаешь по спирали восходящей,
Приобретая свойства дыма над костром...***

IV

Приободришь, оставшийся один, -
Один – в толпе, на острове – неважно.
Да, ты обманут. Путь непроходим
И небом, словно дом, многоэтажным.
Сотри ладонью мир, как со стекла
Стирают влагу полосой горячей,
И не считай потерю неудачей
За то, что на удачу обрекла.
Ведь ты – никто – прозрачным небесам.
Не лист. Не дым. Не нить.

Но и не птица.

Ты сам – полёт.

И вспомнишь это сам, -

Теряя – свойства...

качества...

границы.

* * *

Я из жизни уйду по-английски,
Вдруг припомнив родной Монсальват, -
Не оставив посмертной записки
И не вызвав из «Скорой» ребят.

Я в эффектность ухода не верю –
В жертвы, подвиги, взмахи плащом...
Кто прощается, хлопая дверью,
Неприменно вернётся ещё.

I'll be back! – единиц исключая,
Вездесущ Терминаторский род:
Вот подвинтят тебя, подкачают,
Зубы вставят, и снова – вперёд! –

Прочь от звёзд по дороге из терний –
Работёнку искать кулакам...
В этой пьяной ковбойской таверне
Никогда не смолкает канкан.

Музыкант от усталости бледен,
Новички заполняют скамьи...
Я уйду незаметно. Как леди
Из ужжжжасно хорошей семьи.

* * *

Поглядите, люди добрые! –
Это что ж такое делается:
Я была гремучей коброю,
А теперь я – красна девица.
Спохватилась, дура старая;
Постыдилась при народе бы! –
Он же ведь совсем не пара мне,
В сыновья почти что годен мне.

Я ж ещё – шиплю и фыркаю,
То в загуле, то в депрессии:
То мне Солнце – не по циркулю,
То Луну не там повесили;
То мне мало одиночества,
То мне мало восхищения,
То обидеть его хочется,
То бежать просить прощения...

А он носит на руках меня,
Бережёт меня от сырости
И из кожи вон вымахивает,
До меня стараясь вырасти.
А я – закормлена победами,
От тщеславья невменяема...
«Ох, дитё ты моё бедное...» -
Это – он мне,
а не я ему.

* * *

В своём кругу – все чувства на виду.

Да чувства – ладно...

А ещё – страстишки.

И братьям по чернильному труду

Известно достоверно – даже слишком, -

Насколько крут той плоскости наклон,

По коей ты летишь, как лёгкий мячик...

В своём кругу –

вся жизнь – как за стеклом.

А как ещё?

О чём писать иначе?..

* * *

Нерождённый

Всё было возможным.

Возможным впервые и вдруг.

Была тишина. И всему наступало начало.

И близкое небо дышало Любовью вокруг;

И тёплое море, как рыбку, меня обнимало.

Я плыл, улыбаясь ещё не знакомым вещам,

За небом порой замечая неяркие блики,

И верил во всё, что мне Бог на земле обещал:

В рассветы, и брызги в лицо, и во вкус земляники;

И в торт со свечами; и в свет, на который смотреть

Нельзя не прищурясь; и в смех, обжигающий скулы...

...Всё было возможным. Покуда железная смерть

Кровавым крестом всё возможное не зачеркнула.

Ворвалась извне, небосвод заполняя собой,

В ошмётки и клочья круша не наставшее «завтра»...

Тогда я узнал и постиг, что реальна – лишь боль;

Что Жизнь – это Боль. Обещания Бога – неправда.

Не знаю, за что. И не знаю, кто отдал приказ:

Я не был солдатом. Я так и не понял подвоха...

...И нету могил. И никто не рыдает о нас –

Пропавших без вести.

Без крика. Без первого вдоха.

* * *

Не теряя себя

в череде многочисленных «Ты»,

Быть проточной водой

и не помнить про точность и твёрдость, -

Гибкоструйно петлять,

водопадом лететь с высоты,

Разливаться на ровном –

вот жизни изменчивой кодекс...

Но не слушай меня:

здесь советы друзей ни при чём.

Пару-тройку эонов –

и сам для себя разберёшься –

Быть проточной водой

иль отточенным тонко мечом, -

Мир так точно копирует душу,

что диву даёшься!..

* * *

Новый мир под рухлядью руин
Нарастает тихо и неслышно.
Частностей – не счесть. Закон – один:
Всё возможно. Всё ещё не вышло
Время. Dura lex, но он – закон:
Помнить свет, но быть до срока тенью,
Выплетая кружево времён,
Избывать проклятие забвенья.
Делай то, что делаешь. Но знай:
Камера работает и пишет.
Время – шарфик, чей узорный край
Именно твоей рукою вышит.
И дожидаться возгласа «Спасён!» -
Много легче, чем тебе б хотелось.
Вспомнить всё – несложно.
Вспомнить всё –
Просто сдать экзамены на зрелость.

* * *

Болтала тут с одним по мелочам:
Купил гараж... вскопал шестую сотку...
Он долго о возвышенном молчал –
И вдруг спросил: «А пьют поэты водку?»

Ну, озадачил... За такое бьют! –
Дар речи мне отшиб секунд на девять!
Поэты водку очень даже пьют;
Смешной вопрос...

А что ещё с ней делать?!

* * *

Мы всё о соловьях и розах
Плетём от веку невпопад...
Мы вам нужны лишь в малых дозах —
Как яд.

Мы вас зовём в чужие миру
Седьмые наши небеса.
В одной руке поэта — лира.
В другой — коса.

* * *

Потеряться на вечер в шуршащем сентябрьском золоте,
Закопаться мышонком в его продувные слои,
Где дубы осыпают горстями тяжёлые жёлуди,
Изнывая от силы накопленной летом любви.
И молчать, и дышать, и следить безмятежно-внимательно,
Как в янтарные чаши ложбинок стекается мёд...
Позабыв, что – ещё только месяц – и возраст Распятия,
Словно бритва, крест-накрест по прошлым годам полоснёт...

* * *

Пыль на Твоих подошвах,
Повесть о прошлом,
Бывшая тень Твоя –
Я.

Молния на востоке,
Тихий, далёкий
Отклик из высоты –
Ты.

Блудный сын

Возвращение – не значит укрощение.

Покаяние не требует вины.

На столе уже готово угощение,

В четырёх углах лампы зажжены;

И никто на свете этого не ведаёт –

Как обнялись на пороге, и о чём

Блудный сын с отцом тихонечко беседуют,

Заслонив от мира таинство плечом;

Как становится словам теснее тесного, -

Места нет ни оправданиям, ни лжи:

«Знаешь, пап, я видел столько интересного!» -

И отец с улыбкой просит: «Расскажи...»

...Уберите ваши ханжеские чаянья

Из любви отцовской сделать ритуал:

Да, ему нужны рассказы – не раскаянья;

Он по молодости сам не догулял.

Незнакомки

Встретились –

окутанные безвременьем городским...

Тихо кивнула одна.

И тихо – другая – в ответ.

И было уже разошлись...

- А Вы знакомы с Крамским?

- Нет... А Вы – с Сашей Блоком?..

- Нет...

* * *

Кажется, дождь начинается.

У Пятачка депрессия.

Мимо Сова-красавица

Плавно летит на Мессере.

Кролик наладил с пчёлами

В тундру поставки морфия,

Робин читает учёные

Книги оккультного профиля.

Пух не дошёл до кровати –

Спит за столом поутру:

Ночью он вис на чате

Кенга-Собака-Ру.

Тигра попрыгал в логово;

Этому – нализаться бы...

Только осла не трогают

Взбрыки цивилизации.

В зарослях чертополоха

Страшного ждёт суда

И сознаёт, что всё плохо.

Впрочем, как и всегда.

* * *

Всё уйдёт. Всё схлынет и забудется.

Я устану раньше, чем умру.

Стану суетной домашней курицей,

Что кругами скачет по двору,

Думая: «Не слишком ли я быстро-то?..»

Ты догонишь. Не переживай.

А потом расскажешь, сколько выстрадал

Прежде чем меня завоевал.

Будут слушать с клювами раскрытыми

Петушки молодые, вставши в ряд;

И заплачут свиньи над корытами,

И коровы в стойлах загрустят.

И цыплята, тоже любопытствуя,

Вылупятся раньше из яиц... -

Но не будет ни один – Жар-птицею.

Вот не будет. Никаких Жар-птиц.

* * *

Я рисую Вас помадой
по формату А4:
Длинный плащ терзаем ветром;
шляпа спрятала черты...
А фонарь на заднем плане –
чёрной тушью начертила,
Серебристым лаком - блёстки,
фиолетовым – зонты...
Я рисую Вас помадой:
под рукою красок нету,
А зелёно-жёлтой гаммы
в косметичке не найти.
И поэтому в картинке –
ни травы нет, ни рассвета;
Только этот вязкий сумрак –
вдоль по Вашему пути...
Только этот вязкий сумрак
Вас накидкой овекает,
Чтоб лица прохожим встречным
разглядеть не удалось.
Вот таким – в плаще и шляпе –
Вас никто-никто не знает,
Ну а я нарисовала –
потому что вижу – сквозь...
Вижу сквозь смешки и шпильки,
слой условностей случайных,
Вязкий сумрак наважденья,
серый морок бытия;
Сквозь желание не видеть,
сквозь неведение желанья...
И не важно, что помадой.
Важно, что рисую – Я!

* * *

Глянешь вправо – свет белее снега,
Храм, как цвет-сирень, многоголов,
И росой горят, стекая с неба,
Золотые капли куполов.
Да налево – серп луны ущербной
Проявляет в пепельном луче,
Как идёт сквозь лес седой волшебник
С маленьким совёнком на плече.

* * *

Приедет. В ноги упадёт.
Всего себя – одной тебе лишь
Отдаст. Навек. На жизнь вперёд... -
Поверишь?..

Ты не согласишься. В этом суть.
И в этом – боль. И в этом – чудо –
Жить, не надеясь ускользнуть
Отсюда.

Отсюда, где всегда не в такт –
Хотя б чуть-чуть – два разных пульса;
Где опоздал, кто хоть на шаг
Вернулся.

О, как нелёгко на подъём
Любви не мыслящий в Свободе,
Забывший: к Господу – вдвоём –
Не входят.

* * *

Раненым эхом военного горна
Тихо в крови растворяясь,
Медленно – копится – катится – к горлу –
Ярость!

Предков ли древних, кудлатых титанов –
Бунт – вызревает – в мышцах;
Тянется, кожу взрывая, упрямо –
Выше!

В праведном – или неправедном гнев
Все загражденья рушит...
...Что я забыла там, в слякотном небе?! –
Душу?..

* * *

Там, на тротуаре, - тоже двое.
Тоже расстаются – на всю жизнь,
До утра ли... Так и мы с тобою
Только что так больно разошлись...

Утро рассыпает по квартирам
Огоньки, не дожидаясь дня.
И ещё колышется над миром:
- Мой последний...
- Первая моя...

* * *

Человек молчит

Тихий транспорт – незаполненный, вечерний;
Эстафета километров за стеклом;
Электричка, торопясь, кривую чертит
Сквозь пространство – поворот, подъём, уклон...
Ликом в бликах отражений стекленея,
Словно в комнате горящая свеча, -
Человек молчит – и кажется умнее,
Чем казался б, если б не молчал...

Блёклый пригород немолкнувшим оркестром
Голосов случайных наполняет тьму;
Человек молчит о чём-то не известном
И ему, быть может, самому...
Обо всём, что у души забрали годы
И событиями рассыпали в судьбе...

...Человек молчит – и кажется, природа
Замерла, прислушавшись к себе...

* * *

Почему я пересолила картошку

Который год я эту песню слушаю –
Ну как она тебе не надоест? –
Мол, самая-то я на свете лучшая;
Прям примадонна, ёлки; прям «Зе Бест»...

Мне льстит, бывает, даже отражение;
Мне эта сладость – просто через край;
Меня и так все хвалят в окружении, -
Ну ты-то хоть немножко поругай!..

...и ещё:

* * *

Грехи мои горькие,
Грехи мои тяжкие...
Вскакиваю с койки я,
Хватаю бумажки я,

Лью чаёчек в блюдице,
Лист кладу на книжицу, -
Потому что чудится:
ЩАС стихи напишутся!

Спит будильник кругленький,
Спят у печки валенки...
В полутёмной кухоньке,
Низенькой и маленькой,

Я вершу чудачество,
Трачу электричество,
Не боясь, что качество
Перейдёт в количество...

* * *

Никогда не бойся ничего.

Ты – вопрос, что Мирозданием задан
Самому себе. И всё, что рядом, –
Суть ответ. Лишь выслушав его
До конца, есть шанс дохнуть на ладан.
И ни шанса ровно – до того.

* * *

Опустился на землю грешную,
Из роскошных снов – в явь простую, -
И вдруг видишь, что все – сумасшедшие –
Абсолютно и подчистую!

А к полудню – не хочешь большего,
Попривык, хоть и правда это:
Сумасшедшие все – но хорошие.
И забавные даже где-то...

Ну а к вечеру – ходишь шёлковый
И внимательный к мелочам,
Лишь чужих сумасшествий (толку-то!..) –
Не желаешь уже замечать.

Лучше – вот: выюн, на пень навинченный,
В ореол луча облечён...
И собачка с лисичьим личиком
Ясно смотрит через плечо...

* * *

У Красавицы всегда есть Поклонники,
Но Обломщики – нужнее Красавице,
Ибо первые – лишь стелятся под ноги,
А вторые – не дают ей расслабиться.

* * *

Ме-е-едленно летит сорока:
Видимо, с тяжёлым блоком
Распоследних новостей
На хвосте.

* * *

Дочь балдеет на лесенке:
Занялась тренажёрами.
Тут подходят ровесники –
Типа, местно-дворовые.
Говорят: «МЫ тут прыгаем!...»,
Расфуфырились пальцами...
Подойду, распальцую им.
Разведу ситуацию.

* * *

История, конечно, повторилась:

Училась дева в университете...

Увы: пришла пора – она влюбилась.

Нет повести печальнее на свете!

* * *

Наверно, я родня кудлатым йорикам –
Иначе бы с какой это беды? –
Люблю снимать яичницу топориком
С разгневанной на мир сковороды!

* * *

Синиц ловил? – уже почти за честь! –

А дальше – усложняется задание:

Журавль в небе – это ты и есть, -

Лови не журавля, а состояние!

* * *

Знаешь, как классно

в ночной темноте наливать себе чай? –

Воду из чайника – справа

и свет из фонарика – слева, -

Тихо любуясь

изящной игрою струи и луча, -

Как королевою – кошка,

и кошкой в ответ – королева.

Оптимистическое

Разлезшийся сапог под джинсы спрячу,
Сотру с плеча от птиц благую весть...
Реклама спросит: верите в удачу?
А я не верю. Я она и есть.

В рекламе – как у Геллы в магазине:
Духи, меха, шифон, ЛондОн, Париж...
А я – красива. Внутренне красива.
И мне красиво жить – не запретишь.

О, сколько мне ещё мгновений чудных
Кому-то в душу камнем западать?..
Мне всё своё носить с собой не трудно;
Кому бы только это всё отдать...

Которые тут временные – слазьте!
Припомнилось внезапно только что:
Ведь дуракам на этом свете – счастье.
Встречай, дурашка. Это я пришло.

СОДЕРЖАНИЕ

Преисполнена жизнь чудесами

Мальчик лезет в окно... ..	
А знаешь, порою мне кажется – всё хорошо!.. ..	
Вот, в час по чайной ложечке, с собачкой... ..	
Господи, спасибо за Любовь... ..	
Две девушки в жёлтом вручают листовки прохожим... ..	
Взрослые люди... ..	
Фестиваль 26.07.2003.	
Вот взрослый и мальчик, - рядом... ..	
Всё устраивалось будто бы гладко... ..	
До пяти – коротать на вокзале... ..	
Всю ночь дождило. Хмарный воздух... ..	
Набравшись валерьянки вдоволь... ..	
Отчего-то тревожно... ..	
Не звонят, не едут и не пишут... ..	
Автобусная зарисовка	
Замкнут круг – от ноября до мая... ..	
Опять писать... ..	
Психологические страдания	
- Где ты была?.. ..	
Сон, в котором я была кошкой	
Съела ложку мёда и заснула... ..	
Я не плачу об утрате... ..	
Совершенства нет нигде и ни в чём... ..	
По пол-литра накатив... ..	
Слишком уж ведьма!.. ..	
Ориентация	

В серебристо-хрустальном гробу иномарки... ..
Ах эти бывшие мужья... ..
Привокзальный уют – шашлыки, беляши, чебуреки... ..
Наручные часы, как пауки... ..
Сторожа́м всех времён и народов посвящается

Не давай мне уйти

«А не пора ли мне, Господи, помираться?»... ..
Памяти отца
Так тонко происходит по утрам... ..
Уезжаю. Совсем уезжаю. Хорошее слово... ..
Так, от вокзала до вокзала... ..
- Чувствуешь, тело, запахло весной нешуточно?.. ..
Не я испытываю чувства... ..
То ли гул самолёта в ушах... ..
С наступлением полночи... ..
Однажды утром выкрои часок... ..
Ты жив, моя любовь?.. ..
Независимо от кнутов или пряников... ..
Тетралогия полёта
Я из жизни уйду по-английски... ..
Поглядите, люди добрые!.. ..
В своём кругу – все чувства на виду... ..
Нерождённый ..
Не теряя себя в чередё многочисленных «Ты»... ..
Новый мир под рухлядьё руин... ..
Болтала тут с одним по мелочам... ..
Мы всё о соловьях и розах... ..
Потеряться на вечер в шуршащем сентябрьском золоте... ..
Пыль на Твоих подошвах... ..

Блудный сын
Незнакомки
Кажется, дождь начинается... ..
Всё уйдёт. Всё схлынет и забудется... ..
Я рисую Вас помадой по формату А4... ..
Глянешь вправо – свет белее снега... ..
Приедет. В ноги упадёт... ..
Раненым эхом военного горна... ..
Там, на тротуаре, - тоже двое... ..
Человек молчит
Почему я пересолила картошку

...и ещё:

Грехи мои горькие... ..
Никогда не бойся ничего... ..
Опустился на землю грешную... ..
У Красавицы всегда есть Поклонники... ..
Ме-е-едленно летит сорока... ..
Дочь балдеет на лесенке... ..
История, конечно, повторилась... ..
Наверно, я родня кудлатым йорикам... ..
Синиц ловил? – уже почти за честь! ..
Знаешь, как классно в ночной темноте наливать себе чай?.. ..
Оптимистическое ..